Александр Омелаев

Чёртова пещера

Александр Омелаев

Чёртова пещера

«Автор»
2026

Омелаев А.

Чёртова пещера / А. Омелаев — «Автор», 2026

Черноморский городок 70-х. Время советского застоя. Два вчерашних дембеля — радист Пашка и танкист Сашка — отправляются найти Чёртову пещеру и пропадают. В пещере они наткнулись на неисправный инопланетный корабль-автомат, о котором никто не знает. Попытка починить аппарат советской изолентой и матерным словом вызывает геополитический кризис. Пока парни оживляют квантовые резонаторы, на поиски пропавших парней уже мчится спецназ КГБ и таманская дивизия по решению Брежнева и Андропова, американские субмарины по приказу Ричарда Никсона и чрезвычайная комиссия ЦК КПСС. Подпольные кубанские миллионеры спасают свои икорные склады. Грозные империи готовы развязать Третью мировую войну из-за обычного природного сквозняка и двух токарей автобазы, которые просто хотели посмотреть пещеру.Эта книга — искромётная, полная сочного юга и тонкой иронии хроника ушедшей эпохи. История о том, как великая научно-техническая цивилизация СССР, покорившая космос и атом, переполнена политическим абсурдом.

© Омелаев А., 2026
© Автор, 2026

Чёртова пещера

Александр Омелаев

Чёртова пещера

Эпиграф:

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый — будто чудес не существует. Второй — будто кругом одни чудеса»

«Наш мир относителен, его реальность зависит от нашего сознания»

«Вы думаете, всё так просто? Да, всё просто. Но совсем не так»

Альберт Эйнштейн

1. Предисловие.

Дорогой читатель! Перед вами книга о небольшом, совершенно секретном и абсолютно вымышленном (хотя, как посмотреть) эпизоде из жизни ушедшего мира. Это частная история двух пацанов из приморского городка семидесятых годов прошлого века, родившихся и живших в великой, противоречивой и уникальной научно-технической империи второй половины XX века — СССР, в которой и мне посчастливилось жить, мечтать и работать.

Сегодня, спустя десятилетия после крушения Советского Союза, историки и политики продолжают яростно спорить о причинах этой геополитической катастрофы. Кто-то видит в этом козни внешних врагов, кто-то — предательство элит. Для меня же, как для инженера, привыкшего доверять законам физики, логики и сопромата, причины распада страны всегда крылись в её внутренней конструкции. В той самой «усталости металла», которую мы, люди дела, кожей ощущали на кухне у себя дома и на производстве, в кулуарах институтов и на испытательных полигонах задолго до декабря 1991 года.

Для чего была написана эта книга?

Мне хотелось уйти от сухих цифр докладов Госплана и пафосных лозунгов. Через призму лёгкой иронии, юмора и совсем небольшого фантастического допущения я попытался показать живую ткань повседневной жизни советских граждан — жизнь, которая часто несла в себе признаки чистого, рафинированного абсурда. Советская империя была соткана из парадоксов. Великая цивилизация оставила нам в наследство космос, авиацию, атомоходы и тихие сосны Академгородка. Но она же пала, потому что её экономический фундамент, человеческая инициатива и здравый смысл были искусственно скованы догмами, страхами и бесконечной бюрократией. На примере масштабного переполоха, который устроили два простых дембеля, я хотел показать, как легко государственная машина — хоть советская, хоть американская — способна накрутить себя из ничего, повышая градус взаимного идиотизма до предвоенного состояния. Когда система начинает видеть шпионов в карстовом свисте пещеры и двигает дивизии ради «идеологического заслона», предел прочности страны оказывается под угрозой.

Оглядываясь назад, я хочу, чтобы мои дети, внуки и будущие поколения понимали: эту империю разрушили не внешние бури. Она рухнула под тяжестью собственного системного застоя, когда критическая масса нелепостей превысила предел прочности великой страны. Но вместе с этим абсурдом в той эпохе оставалось то, что не поддаётся ржавчине времени, — ленивое полудённое солнце, вкус ирисок «Кис-кис», запах черноморской гальки и непоколебимая мальчишеская вера в то, что с помощью ключа на двенадцать и мотка изоленты можно починить даже Вселенную.

1. Мальчишки с глинобитной окраины

Приморский городок застыл в полуденном зное 1970 года, лениво омываемый тёплым и спокойным морем. Жизнь здесь текла медленно, как подтаявшая на солнце ириска «Кис-кис». Эпоха великих потрясений уже улеглась в гранитные памятники, а до больших тревог

будущего было ещё далеко. Наступало время тихого, уютного и совершенно необременительного советского застоя. На окраине городка, где асфальт ДРСУ окончательно сдавался перед песчано-каменистой колеёй загородной пыльной дороги, лепились друг к другу два одинаковых глинобитных домика, побелённых известью. Здесь, под сенью раскидистых шелковиц, и росла неразлучная пара — Пашка и Сашка.

Школьный синклит и клеймо «шалопаев». В местной восьмилетке друзья были явлением стихийным, как внезапный черноморский шквал. Педагогический состав школы делился строго на три лагеря по отношению к этой парочке:

1. Фракция «Шалопаи» во главе с классным руководителем Анной Ивановной. Она считала, что у парней просто «ветер в голове» и «нереализованный потенциал».

2. Фракция «Хулиганы», ведомая историком и парторгом школы, который видел в их привычке сбегать с уроков на пирс подкоп под устои советского строя.

3. Фракция «Нормальные пацаны» в лице физрука и трудовика, которые ценили в ребятах умение подтянуться двенадцать раз и не ломать метчики при нарезании резьбы.

Пашка обеспечивал их дуэту тактическую дерзость. Он мог посреди урока физики начать выстукивать карандашом по парте ритм «Yesterday», да так заразительно, что отличницы с первой парты начинали тихонько раскачиваться в такт. Сашка же выступал в роли живой тормозной буксы. Когда Пашке приходила в голову гениальная мысль проверить, сколько самодельных дымовух поместится в вентиляцию девичьего туалета, Сашка молча брал друга за шкирку и сажал на место. Эта выдержка не раз спасала их от детской комнаты милиции.

Дом Пашки: Музыка на хлебных дрожжах. В Пашкином доме всегда пахло свежей опарой и канифолью. Его отец, дядя Лёша, вернулся с фронта в сорок четвёртом без левой ноги, но с отчаянным нежеланием унывать. Про таких говорят: «Из песка верёвки вьёт». Дядя Лёша не спился, в отличие от многих инвалидов той поры, а нашёл своё спасение в звуках. Он осязал музыку во всём. Дай ему две столовые ложки — и через минуту вся улица притоптывала под лихой казачий пляс. Дай старую кастрюлю — и она превращалась в литавры. Дядя Лёша был главным человеком в городке: без его аккордеона «Вельтмайстер», выменянного когда-то на три мешка муки, не обходилась ни одна свадьба, ни один юбилей, ни печальные, с надрывом, проводы в армию.

Пашка унаследовал этот дар целиком, но переиначил на новый лад. К концу восьмого класса он уже лихо выдавал на раздолбанной акустической гитаре заграничные аккорды. Когда отец уставал на свадьбе и его деревянный протез начинал ныть и скрипеть, Пашка перехватывал инструмент, и над приморскими дворами неслись уже современные, чуть хриплые песни, от которых у местных девчонок замирало сердце.

Мать Пашки, тётя Люба, была полной противоположностью своему поющему семейству. Строгая, с гладко зачёсанными волосами и неизменным синим халатом технолога хлебозавода, она держала дом в ежовых рукавицах. Тётя Люба носила в сумочке красную книжку — она была членом КПСС, причём искренним и непоколебимым.

Вечерами за столом разыгрывалась привычная интермедия:

— Любаня, — лукаво щурился дядя Лёша, отламывая кусок серого батона, — ну почему ж хлеб-то наш заводской опять как подошва? Ни вкуса в нём, ни радости.

— Алексей! — строго обрывала его супруга. — Моя задача как технолога — не вкусноту твою баловскую обеспечивать. Для этого кондитерская есть. Моя задача — бдеть, чтобы Советские ГОСТы выполнялись грамм в грамм! Стране нужен сытный хлеб, а не кружева.

Дом Сашки. Танковая броня и одиночество. Через низкий плетень, в соседнем домике, декорации сменялись на куда более хмурые. Сашкин отец, дядя Коля, прошёл войну

в железной коробке Т-34. Оттуда же, из горевших танков, он вынес тяжёлый, как тракторный трак, характер и привычку молчать сутками. Работал он трактористом гусеничного ДТ-54 в местном ДРСУ, и казалось, что его трактор и он сам — это одно неразрывное целое из чугуна, солярки и пыли.

Мать Сашки исчезла из их жизни давно и туманно. Соседки шептались, что «уехала за длинным рублём на севера да там и сгинула с каким-то снабженцем», но вслух при дяде Коле об этом никто не заикался. Сашкин отец тосковал глубоко и страшно, но чисто по-мужски — без слёз и жалоб. Каждый вечер, придя с работы и отмыв мазутные руки, он ставил на стол гранёный стакан, наливал «четвертинку» и пил в полном одиночестве, глядя в тёмное окно.

Сашка рос в этой тишине. Он рано научился сам варить картошку, чинить прохудившуюся крышу и понимать отца без слов. Если отец молча стучал пальцем по столу — значит, надо подать чистую рубаху. Если тяжело вздыхал — значит, завтра опять перебирать коробку передач. Сашка перенял отцовскую монолитность, став для Пашки той самой надёжной стеной, о которую разбивались любые подростковые бури.

Три года в «Ремеслухе». Кузница кадров. Когда в 1967 году восьмилетка осталась позади, вопрос «куда идти» перед друзьями даже не стоял. Директор школы с облегчением перекрестился, выдавая им характеристики, и парни дружно шагнули в ворота Городского профессионально-технического училища № 4, в просторечии — «ремеслухи».

Три года здесь пролетели под знаком трёх великих вещей: резца ВК8, синих суконных беретов и запаха эмульсии для охлаждения металла. Ремеслуха была государством в государстве со своими законами:

Мастер производственного обучения Михалыч. Человек, способный разглядеть кривизну детали в один микрон невооруженным глазом. Он быстро объяснил Пашке, что гитарные струны — это хорошо, но «ходовой винт станка 1К62 требует не лабания, а нежности и точности».

Теория и практика. Пашка умудрялся сдавать допуски благодаря феноменальной памяти на ритмы (он запоминал шаги нарезания резьбы как барабанную партию). Сашка же брал токарное дело измором и абсолютным, почти осязательным пониманием металла, доставшимся от отца-танкиста.

Аттестат и разряд. В июне 1970 года оба вышли из училища взрослыми людьми. В карманах лежали новенькие корочки: аттестат о среднем образовании и диплом ремеслухи, подтверждающий 3-й разряд токарей-фрезеровщиков. Пашка на радостях выточил из латуни насадку на гитарный гриф, а Сашка бережно завернул свой первый самостоятельно выточенный идеальный вал для трактора в промасленную тряпицу и принёс показать отцу. Дядя Коля посмотрел, крутанул в руке, молча кивнул и впервые за много лет налил сыну пол стопки. Это было высшее признание.

Сентябрьский штиль перед бурей. И вот наступило лето семидесятого. Выпускной отгремел, дипломы обмыты дешёвым портвейном «три семёрки» на пирсе. В разгар августа Пашка и Сашка, чинно разгуливая по городку в парадных ремесленнических куртках, нос к носу столкнулись у пивного ларька с военкомом — дядей Мишей.

Дядя Миша, грузный майор с обветренным лицом и добрыми глазами, оглядел парней, вытер пену с усов и весомо сказал:

— Так, орлы. Знаю, что ремеслуху вы кончили. На заводы вас оформлять сейчас — только бумагу переводить. Короче, даю я вам шлёпать по гражданке до осени. Гуляйте, девок щупайте, мамкины борщи ешьте. Месяц вам на всё про всё. А первого октября жду на призывном с вещами. Родина ждёт, фрезеровщики. Пойдёте в сухопутные, а там как карта ляжет.

Этот последний сентябрь тянулся бесконечно долго и сладко. Парни сидели на берегу, слушая, как Пашка перебирает струны, смотрели на закатное солнце, уходящее в тихую мор-

скую гладь, и ещё не знали, что этот месяц — последняя страница их беззаботного, пропахшего известью и морем советского детства.

Последний аккорд на приморском песке. Проводы в Советскую армию в городке праздновали так, словно парней отправляли минимум в антарктическую экспедицию на дизельном ледоколе. Столы вытащили прямо во двор, сдвинув к ним ещё три длинных дощатых верстака из ДРСУ и накрыв их крахмальными простынями из недлинных запасов тёти Любы. Сентябрь уходил, оставляя после себя густой запах опавших шелковиц, просмоленных лодок и жареной на сале черноморской ставриды.

К семи вечера за столом гудел уже весь пятачок глинобитных окраин.

Разгул по-советски. Аккордеон и ГОСТы. Главным режиссёром этого пиршества был, разумеется, Пашкин отец, дядя Лёша. Его деревянный протез стоял, надёжно упершись в утоптанную каменистую землю, а на груди привычно и грозно покоился трофейный «Вельтмайстер». Дядя Лёша рвал меха так, что пуговицы на рубахах гостей начинали расстёгиваться сами собой.

Пашка не отставал от отца. В его руках была семиструнка с той самой латунной насадкой на грифе, выточенной в ремеслухе. Они выдавали невероятный семейный дуэт: старик гнал плотную, качающую волну вальсов и военных танго, а Пашка вплетал туда дерзкие, синкопированные переборы в стиле ранних «Песняров» и запрещённых дворовых полуаккордов.

— Эх, Любаня! — кричал захмелевший сосед-рыбак, махая вилкой с наколотым солёным огурцом. — Гляди, каких соколов в армию отдаём! Пашка-то, Пашка — чистый Магомаев, только стриженый!

Тётя Люба, сидевшая во главе стола в своём лучшем кримпленовом платье с брошкой, строго поджимала губы, но в глазах её всё равно блестели слезы. Она, как член КПСС, держала марку:

— В армии из него дурь-то гитарную повыбьют. Там дисциплина, там устав. Там не лабать надо, а Родину защищать по всем уставам и параграфам!

При этих словах она строго поглядывала на батарею бутылок «Московской» и «Вермута розового», выставленных на столе. Сама она пила только домашний компот, словно контролируя, чтобы количество выпитого алкоголя на душу населения не превышало установленные партийные лимиты.

Тихое прощание в соседнем дворе. На другом конце стола, подальше от шумного аккордеона, сидел дядя Коля. Сашкин отец за весь вечер не произнёс ни одного тоста. Он сидел в отутюженном пиджаке, на котором скромно поблескивала медаль «За отвагу», и мерно, через равные промежутки времени, опрокидывал в себя стопку, не пьянея ни на йоту.

Ближе к полуночи, когда Пашка с ремесленными друзьями затянул на всю улицу «Опять от меня сбежала последняя электричка», Сашка тихонько встал из-за стола и отошёл к плетню. Отец молча пошёл за ним.

Они курили одну сигарету «Прима» на двоих, глядя на тёмное, дышащее прохладой море.

— Ну что, Сашок, — глухо сказал дядя Коля, впервые за вечер нарушив молчание. Его голос из-за мазутной пыли и крепкого табака напоминал скрежет гусениц. — В танковые просись. Железо ты знаешь. Станок от танка не сильно отличается — и там, и там мазать надо и зазоры ловить.

— Как распределят, батя, — тихо ответил Сашка.

Дядя Коля тяжело положил свою огромную, мозолистую ладонь на плечо сына и сжал так, что хрустнули суставы.

— Мать не жди. Не приедет. Ты пиши... мне пиши, в ДРСУ, если дома не будет. Я отвечу.

Это были самые длинные слова, которые Сашка слышал от отца за последние пять лет.

3. Призывной пункт и колесо фортуны

Утро первого октября встретило их пронзительным, холодным ветром с моря и резким запахом хлорки в коридорах городского военкомата. Романтика закончилась на пороге. Вокруг толпились такие же стриженые под машинку парни со всей округи, пахло дешёвым одеколоном «Гвоздика», домашними пирожками и страхом перед неизвестностью.

Военком, дядя Миша, сидел за массивным дубовым столом под портретом Брежнева. Перед ним лежали личные дела Пашки и Сашки. Дядя Миша уже не был тем добрым майором из пивного ларька — сейчас он вершил судьбы.

— Так, шалопаи, — дядя Миша полистал дело Пашки. — По документам вы у меня оба токари 3-го разряда. Золотые руки для ремонтных бригад. Но тут мне Любовь Сергеевна, матушка твоя, Паша, всю плешь проела. Просила, чтоб из тебя человека сделали. А человек у нас где делается? Правильно, в строгости.

Военком хитро прищурился и посмотрел на Пашку:

— На гитаре, говоришь, лабаешь? Пальцы гибкие? Ладно. Поедешь ты у меня, музыкант, в Войска связи. Будешь морзянку стучать. Там тоже ритм нужен, матушка твоя одобрила. Строгая женщина, партийная, против неё не попрёшь. Поедешь под Ленинград, в учебку.

Пашка вытянулся, побледнел, но спорить с военкомом, а тем более с матерью-технологом и членом КПСС было бесполезно. Морзянка так морзянка — всяко лучше, чем автоматом или лопатой махать.

Дядя Миша повернулся к Сашке. Его взгляд смягчился, когда он увидел фамилию отца в графе «родители».

— А с тобой, Александр Николаевич, разговор другой. Отец у тебя — Николай Петрович, танкист, уважаемый человек. И ты в ремеслухе по металлу первый был, Михалыч тебя хвалил. Короче, Сашок. Танковые войска ждут. Пойдёшь по стопам отца. Направление — Группа советских войск в Германии (ГСВГ). Будешь механиком-водителем Т-62. Железо там серьёзное, как раз для твоих рук.

Судьба была решена за две минуты. Колесо армейской фортуны крутанулось и раскидало неразлучных друзей из глинобитных домиков по разным концам огромной империи: одного — ловить радиоволны под сырым ленинградским небом, другого — утюжить танковые полигоны в лесах под Магдебургом.

На плацу завыл клаксон старого автобуса «КАвЗ», которому предстояло везти их на областной распределительный пункт. Эпоха застоя продолжалась, но для Пашки и Сашки она только что сменила гражданский пиджак на грубое сукно армейской шинели.

Сырой ленинградский туман затекал под воротники новеньких шинелей, пахнувших складом и нафталином**.** Учебка связи встретила Пашку монументальной кирпичной серостью и оглушительной, звенящей дисциплиной. После вольного приморского воздуха и расслабленной атмосферы ремеслухи, где мастер Михалыч мог пожурить за сломанный резец, но зла не держал, здесь всё подчинялось уставному шагу и окрикам сержантов.

Через неделю после курса молодого бойца начался самый главный отбор — в касту радистов-телеграфистов. Попасть туда хотели многие: это означало службу в тепле, в наушниках, поближе к штабам и подальше от рытья траншей для кабельных линий связи. Но отбирали туда не по желанию, а по жёсткой естественно-научной селекции.

Экзаменатор с орденской планкой. Пашку вместе с тремя десятками таких же стриженых призывников привели в класс, где густо пахло мастикой для пола и старым ламповым железом. За столом сидел начальник связи полка, майор Воронов. Это был сухой, подтянутый офицер с цепким, насквозь видящим взглядом и тяжёлой орденской планкой на кителе.

Про майора в учебке ходили легенды: в сорок третьем он, будучи старшиной, в составе разведгруппы три недели сидел в немецком тылу под боком у дивизии «Мёртвая голова», корректируя нашу артиллерию. Правое ухо у майора было слегка обожжено — след от разорвавшейся мины, разворотившей его рацию «Север». Телеграфный ключ для него был не просто средством связи, а продолжением пальцев и его души. Всю человеческую породу он делил на тех, кто «слышит эфир», и тех, кому «медведь на ухо наступил».

— Слушай мою команду, бойцы, — негромко, но весомо произнёс майор, не поднимая головы от личных дел. — Радиосвязь — это не язык чесать. Это математика, помноженная на нервы и на слух. Сейчас проверим, у кого из вас в голове опилки, а у кого — рабочий инструмент.

Карандашный тест на чувство ритма. Майор взял в правую руку простой гранёный карандаш с аккуратно обгрызенным ластиком. На пальцы рук Пашки, сидевшего на третьей парте, опустилась тень волнующего беспокойства.

Методика Воронова была старой, фронтовой и безотказной. Он не включал сложные аппараты. Он просто вызывал бойца к столу, выстукивал карандашом сложную ритмическую фигуру — с синкопами, дробными паузами и рваным темпом — а призывник должен был в точности повторить этот тактовый узор вторым карандашом.

Первым пошёл рослый парень из Вологды. Майор выдал короткую дробь:

Та-та-та-таааа-та-та.

Вологжанин испуганно захлопал глазами и выдал в ответ нечто похожее на падение связки дров с телеги на каменистую дорогу.

— Профнепригоден, — сухо отрезал майор. — В линейные мастера. Будешь катушки с кабелем на хребте таскать, для здоровья полезно. Следующий.

Второй призывник, бывший студент-математик из Минска, ритм уловил, но сбился на третьем такте, занервничал и уронил карандаш под стол.

— В дизелисты, — вздохнул майор. — Будешь аккумуляторы заряжать.

Звёздный час токаря-музыканта. — Рядовой Попов! — выкрикнул сержант. Пашка встал, поправил ремень и строевым шагом подошёл к столу. Сердце колотилось где-то в районе горла, но руки, привыкшие к токарному станку и гитарным ладам, оставались спокойными. Майор Воронов взглянул в его дело:

— Так. Токарь из Приморья. Отец — Алексей Попов, инвалид войны, аккордеонист?

— Так точно, товарищ майор, — ответил Пашка.

— Ну-ну, — майор впервые за день слегка усмехнулся кончиками губ. — Музыка — это хорошо. А ну-ка, сынок, поймай вот это.

Майор поднял руку с карандашом. И вдруг по лакированной поверхности стола понеслась зубодробительная, хитрая дробь. Воронов не просто стучал — он выдавал сложнейший синкопированный рисунок, где короткие удары сменялись длинными зависаниями, имитируя

работу классного телеграфиста в условиях сильных помех. Это был почерк старого разведчика. *Та-ти-ти-таaa-ти-та-ти-та-таaa*.

Класс замер. Сержант у двери сочувственно вздохнул.

Пашка зажмурился на секунду. В его голове эта дробь моментально превратилась в знакомую структуру. Это же чистый, незамутнённый ритм из вступления к песне «Битлз» «Drive My Car», которую они с Сашкой крутили на старом бобиннике в клубе ремеслухи! Только чуть замедленный и с акцентом на слабую долю.

Пашка перехватил карандаш пальцами, какими обычно брал медиатор, и без секундного колебания выдал ответный удар.

Карандаш в Пашкиной руке буквально заплясал по столу. Он не просто в точности скопировал ритм майора — он выдал его с лёгким, едва заметным музыкальным свингом, идеально выдерживая микроскопические паузы. По контуру стола пошла идеальная, чистая копия вороновской дроби.

Майор Воронов замер. Его единственный здоровый глаз удивлённо расширился. Он посмотрел на Пашкины пальцы, потом на его стриженую голову.

— А ну-ка ещё, — майор сменил тактику и выдал рваный, путаный ритм, напоминающий азбуку Морзе на предельной скорости, когда знаки сливаются.

Пашка, поймав кураж, повторил и его, даже глазом не моргнув, а в конце — чисто от хулиганской приморской души — добавил один лёгкий, едва слышный щелчок, как финальный аккорд на барабане.

Сержант в углу вытаращил глаза. В классе повисла тишина.

Майор Воронов медленно отложил свой карандаш, откинулся на спинку стула и долго смотрел на Пашку. В его взгляде уже не было уставной строгости — там читалось уважение профессионала к редкому, самородному таланту.

— Сержант, — тихо, но отчётливо произнёс майор. — Этого — в первую роту. В первый класс радистов-телеграфистов. Лично вести буду. Из него или гений эфира получится, или международный шпион. У парня уши как у летучей мыши, и пальцы правильные, не кривые.

Майор размашисто черкнул красным карандашом на Пашкином личном деле: «Первый класс. Радиотелеграфист ОСНАЗ».

Пашка козырнул, развернулся через левое плечо и пошёл назад к парте. В этот момент он понял, что его служба под Ленинградом точно не будет скучной, а отцовские ложки и кастрюли, на которых он тренировался с пяти лет, только что спасли его от двух лет беготни с тяжеленной катушкой кабеля по болотам.

Уроки радиотелеграфии в учебке ОСНАЗ меньше всего походили на привычные школьные занятия. Это была жестокая дрессировка нервной системы, поставленная на поток с чисто советским размахом и эффективностью. Класс, куда определили Пашку, был оборудован по последнему слову техники связи семидесятых: тридцать столов, на каждом — пара тяжёлых наушников ТА-56, телеграфный ключ и пульт, опутанный проводами, ведущими к главному пульту майора Воронова.

С первых же дней Пашка понял: просто слушать точки и тире невозможно — мозг человека не успевает считать отдельные писки, когда скорость передачи возрастает. Чтобы пацаны со всего Союза не сошли с ума от монотонного ультразвукового писка, советская военная наука использовала гениальную систему «напевов». Каждому знаку азбуки Морзе соответствовала своя словесная фраза, ритмический рисунок которой идеально повторял сочетание точек (коротких звуков) и тире (длинных).

Хор стриженых радистов. Занятия вёл сам майор Воронов. Он включал зуммер на минимальную скорость, и над классом разносился протяжный писк. Майор дирижировал указкой, а тридцать стриженых парней хором орали напевы, раскачиваясь в такт.

— Буква «А»! — командовал Воронов. Из динамиков доносилось: *Ти-тааа*.

— Ай-дааа! — слаженно ревел класс.

— Буква «Б»! — *Тааа-ти-ти-ти*.

— Бааа-ки-те-кут! — отзывались тридцать глоток.

— Буква «В»! — *Ти-тааа-тааа*.

— Ви-дааа-лааа!

Пашка схватывал эти напевы на лету, для него они были обычными куплетами. В то время как его соседу, парню из-под Тамбова, никак не давалась буква «Л» (*ти-тааа-ти-ти* — лу-нааа-ти-ки), Пашка уже через неделю свободно «пел» весь алфавит. Цифры были ещё смешнее: единица (*ти-тааа-тааа-тааа-тааа*) заучивалась как разухабистое «ку-дааа-вы-пооо-шлиии», а четвёрка (*ти-ти-ти-ти-тааа*) — как бодрое «че-тве-ри-те-кааа».

Скоро весь класс начал бредить этими напевами. Парни разговаривали ими во сне, а шагая строем в столовую, Пашка ловил себя на мысли, что стук сапог старшины по плацу — это чистая буква «Ж» (*ти-ти-ти-тааа* — я-бук-ва-жеее).

Клавиатурный пот и «карандашная болезнь». Когда буквы были освоены, начался адский этап — приём на слух под запись. Скорость медленно, но верно увеличивали каждый день. Майор Воронов садился за пульт связи и запускал трансмиттер — аппарат, который гнал в наушники курсантов нескончаемый поток зашифрованных пятизначных радиограмм.

«ЖДЛЫЮ 38291 ФЫВРП ЦУКЕН...»

В классе стояла гробовая тишина, нарушаемая только шуршанием тридцати карандашей. Писать нужно было специальным радиовещательным шрифтом — простыми, чёткими печатными буквами, без вензелей, чтобы любой другой шифровальщик мог разобрать. Карандаши тупились со страшной скоростью. Пашка, благодаря своей ремесленной привычке работать с инструментом, затачивал свои три карандаша «Конструктор» так филигранно, что майор Воронов ставил его в пример.

Главным врагом курсанта было «зависание». Стоило на секунду задуматься, какая буква скрывается за напевом *«ко-маааан-ди-рооок»* (буква К), как мимо ушей пролетали следующие три знака. Группа терялась, в диктанте возникал пробел — а в ОСНАЗе это приравнивалось к невыполнению боевой задачи.

Пашку спасала его музыкальная оперативная память. Пока другие парни судорожно пытались вспомнить букву прямо в момент писка, Пашка «записывал» звук в своей голове, как на магнитофонную ленту, и фиксировал на бумаге с отставанием в два-тремя знака, действуя абсолютно расслабленно.

Рождение почерка. К исходу второго месяца учебки началась практика передачи — работа на ключе. И вот тут Пашка столкнулся с тем, что в телеграфе называется «почерком». Оказалось, что у каждого радиста, как и у пианиста, есть своя неповторимая манера работы. Один бьёт по ключу жёстко, обрубая тире, другой — «тянет резину», делая точки слишком длинными.

Старый фронтовик Воронов ходил между рядами, внимательно слушая, как курсанты стучат.

— Халтуришь, рядовой Иванов! — рявкал майор, хлопая линейкой по столу парня. — У тебя не тире, а сопли манные! Немец твою передачу слушать не станет, он станцию запеленгует

и накроет миномётами, пока ты букву «М» размазываешь! Нажатие должно быть хлёстким, как выстрел!

Когда очередь дошла до Пашки, он положил руку на круглую пластиковую головку ключа. Пальцы, помнившие гриф гитары и рукоять продольной подачи токарного станка, легли идеально. Пашка начал передавать контрольный текст.

Его передача была песней. Он не просто стучал — он чувствовал упругость пружины ключа, работая кистью, а не всем предплечьем, как учили. Точки вылетали круглыми, как бусины, а тире — весомыми и строго трёхкратными по длине. Это был идеальный, академический телеграфный почерк, но с едва уловимой, чисто Пашкиной легкостью.

Майор Воронов долго слушал Пашкин эфир через контрольный наушник, блаженно зажмурив свой единственный здоровый глаз.

— Ну, Попов... — тихо сказал майор, убирая линейку за спину. — У тебя не рука, а швейцарские часы. С таким почерком тебя на узле связи Генштаба оторвали бы с руками. Ладно, посмотрим, как ты запоёшь, когда мы тебе в наушники пустим сетевые помехи и рёв работающего дизеля.

Пашка улыбнулся. После грохота токарных станков в ремеслухе и зычного голоса мамы Любы, распекающей отца за невымытые ложки, его никакими помехами было не испугать.

Жизнь умеет вытачивать такие кульбиты, какие не снились ни одному токарю третьего разряда**.** К весне 1971 года рядовой Пашка Попов не просто сдал на первый класс радиотелеграфиста ОСНАЗ, но и получил на плечи две новенькие, пахнущие свежим сукном лычки младшего сержанта. Майор Воронов долго крутил его личное дело, намереваясь оставить талантливого парня в Ленинграде при штабе, но сверху пришёл жёсткий приказ: укрепить кадрами связи танковые части Группы советских войск в Германии.

Так Пашка оказался в Магдебурге, в штабном батальоне связи гвардейской танковой дивизии. Самое удивительное случилось через три месяца, когда выяснилось, что именно в этой дивизии, но только в отдельном танковом батальоне, уже полгода крутит рычаги Т-62 его сосед по глинобитному плетню — Сашка.

Встреча под грохот танковых дизелей. Их встреча произошла не в чинном приморском парке, а на пыльном и душном полигоне во время больших осенних маневров «Братство по оружию».

Штабная командно-штабная машина (КШМ) на базе БТР-60, где Пашка сидел на рации Р-123 в наушниках, застряла у кромки соснового немецкого леса. Огромная колонна тридцатьчетвёрок и новеньких Т-62 ревела моторами, поднимая тучи серой, мазутной пыли. Пашка, взмокший под шлемофоном, высунулся из люка, чтобы глотнуть воздуха, и в этот момент прямо мимо него, оглушительно лязгая гусеницами, прополз закопчённый, покрытый слоем немецкой грязи танк с бортовым номером «333».

Танк резко затормозил, сбросив обороты. Люк механика-водителя с грохотом откинулся, и оттуда показалась фигура в замасленном комбинезоне. Парень стащил шлемофон, вытер лицо рукавом, оставив чёрные мазутные полосы вокруг глаз, и сплюнул под траки.

— Сашка! — заорал Пашка на весь полигон, перекрикивая рёв дизелей. — Сашка, чёрт мазутный!

Танкист вздрогнул, повернул голову и замер. Через секунду его хмурое, отцовское лицо расплылось в такой широченной улыбке, что зубы сверкнули белизной на фоне копоти.

— Пашка?! Ты откуда здесь, связист хренов?!

Сержант связист и рядовой танкист сцепились в объятиях прямо на горячей танковой броне, пахнущей горелой соляркой. Немецкие сосны тихо шумели вокруг, а два пацана с окра-

ины приморского городка хохотали как ненормальные, не обращая внимания на удивлённые взгляды пробегавших мимо офицеров и регулировщиков.

Два года в немецких лесах: Будни ГСВГ. Следующий год пролетел в бешеном армейском ритме, но теперь друзьям было легче — они знали, что находятся в одном гарнизоне. Время от времени Пашка, пользуясь сержантскими привилегиями и дружбой с каптёрщиками, умудрялся пробираться в Сашкин батальон.

Их армейская жизнь катилась по двум параллельным, но одинаково суровым советским ГОСТам и воинским уставам:

Сашка укрощал железо. Он стал лучшим механиком-водителем роты. Его Т-62 летал по полигонам как ласточка. Сашкина выдержанность и абсолютное, почти мистическое понимание двигателя, унаследованное от отца-тракториста, творили чудеса. Там, где другие парни рвали коробки передач на тяжёлом немецком грунте, Сашка переключал скорости нежно, на слух ловя обороты вала — точь-точь как учили в ремеслухе.

Пашка держал эфир. Сержант Попов стал незаменимым человеком в штабе дивизии. Под его пальцами телеграфный ключ выдавал такую безупречную морзянку, что на приёмном узле армии в Вюнсдорфе связистки узнавали его почерк без всяких позывных. В свободные минуты Пашка умудрялся натягивать между соснами антенну-диполь и ловить на армейский приёмник зарубежные радиостанции, тихонько напевая Сашке по ночам свежие хиты, переведённые с английского на слух.

Родители писали регулярно. Тётя Люба с хлебозавода слала Пашке строгие письма, требуя «бдеть партийную дисциплину и не позорить семью». Дядя Лёша приписками внизу сообщал, что выменял новый аккордеон и ждёт парней на весёлую встречу дембелей. От Сашкиного отца, дяди Коли, приходили редкие, короткие открытки: «ГСВГ — дело чести. Танк мажь. Отец». Сашка перечитывал эти строчки до дыр перед сном.

Осень 1972 года. Дембельский аккорд. В октябре 1972 года над Магдебургом пошли затяжные, холодные дожди, но для Пашки и Сашки это была самая тёплая осень в жизни. В штабе дивизии был подписан Тот Самый Приказ.

Дембельские альбомы были расшиты бархатом, вытащенным из немецких магазинов, фотографии проложены калькой, а на новеньких парадных кителях красовались значки «Отличник Советской Армии», «Специалист 1-го класса» и гвардейские знаки. Пашка, как истинный токарь, лично выточил в мастерской батальона связи зеркальные латунные вставки под погоны для себя и друга.

На привокзальной площади Магдебурга, перед посадкой в эшелон «Франкфурт-на-Одере — Москва», они стояли на перроне — два повзрослевших, широкоплечих парня. Хмурый и монолитный Сашка со значком танкиста на груди и весёлый, подтянутый сержант Пашка, у которого в вещевом мешке тихонько звякал разобранный телеграфный ключ — сувенир на память от майора Воронова.

Они возвращались домой. Туда, где пахло известью, морем и перегретым на солнце песчаным ДРСУ. Эпоха застоя продолжалась, но их личная армейская одиссея была завершена с честью и по всем государственным стандартам.

Осень 1972 года мягко перетекла в приморскую зиму, и вчерашние гвардейцы ГСВГ снова надели рабочие спецовки**.** Родной городок ничуть не изменился: всё так же пахло морем и мазутом, всё так же лениво крутил колёса рейсовый автобус, а на окраине стояли их побелённые глинобитные домики. Парни не стали искать лёгкого хлеба в районе или области — они пришли работать туда, где асфальт ДРСУ сдавался перед песчано-каменной колеёй, в механические мастерские местного автопарка.

4. Царство чугуна и эмульсии

Ремонтный бокс встретил их знакомым с ремеслухи запахом горелого масла, солидола и влажной бетонной крошки. На весь цех тут было всего несколько станков: два заслуженных токарно-винторезных 1А62, помнивших ещё эвакуацию, и один потрёпанный фрезерный вертикал.

Раньше за этими станинами стоял несменяемый квартет — четверо фронтовиков. Мужики пришли сюда сразу после Победы, без пальцев, со свинцом под кожей, и вытачивали детали для полуторок и первых «газонов» с точностью, которой завидовали заграничные приборы. Но время оказалось безжалостнее войны. Кто-то ушёл на пенсию, кто-то — на местное кладбище под сень кипарисов, что для старых мастеров, привыкших жить только работой, было почти одно и то же.

Теперь в этом небольшом цеху Пашка и Сашка остались вдвоём. Молодые, сильные, подтянутые после армии, они перенимали это маленькое государство чугуна. Пашка работал с каким-то музыкальным изяществом — его станок пел, а длинная витая стружка вылетала из-под резца с ритмичным шуршанием. Сашка же брал монолитной танковой хваткой: крепил заготовки намертво, проверял зазоры до микрона и, казалось, понимал усталость старого металла без всяких чертежей.

Курилка у пожарного щита. Главным стратегическим пунктом мастерской был их «угол» — импровизированная курилка прямо здесь, в углу цеха. Обстановка тут была лаконичной и строгой, по всем канонам советской наглядной агитации:

Бочонок с песком, густо утыканный серыми бычками от «Примы».

Пожарный щит на стене, выкрашенный въедливой красной краской.

Инструменты спасения: канонически тупой топор, красная лопата, изогнутый лом и конусное ведро, похожее на перевёрнутый шутовской колпак.

Здесь, на перевёрнутых деревянных ящиках из-под подшипников, они и сидели втроём во время перекуров. Третьим был дядя Митя — последний старожил мастерской автопарка, единственный из четвёрки, кто официально дожил до законной пенсии и дорабатывал свои последние дни перед выходом на заслуженный покой. Дядя Митя был сух, носил вечную кепку-восьмиклинку и курил исключительно самосад, от которого у молодых дембелей перехватывало дыхание.

Последний наказ старого мастера. В пятницу, перед самым уходом дяди Мити «на чистую гражданскую пенсию», они засиделись в курилке дольше обычного. За окном бокса тихо падал редкий приморский снег, моментально тая на асфальте. Старик долго смотрел на красную лопату, потом перевёл взгляд на парней. Его пальцы, жёлтые от табачного дыма и въевшегося за тридцать лет машинного масла, медленно мяли цигарку.

— Ну что, соколы... — негромко сказал дядя Митя, и его голос потонул в тихом гуле вентиляции и остывающих станков. — Вот и весь сказ. Было нас четверо, теперь — двое вас. Станки я вам передал, они хоть и с капризами, но металл чувствуют. Не обижайте их.

Он строго посмотрел сначала на Пашку, потом на Сашку:

— Вы думаете, вы тут просто гайки для самосвалов точите? Нет, паря. Вы тут жизнь городка держите. Заглохнет автопарк — хлебовозка к Любе на завод не приедет, ДРСУ у Кольки встанет, автобус до района не пойдёт. Нам, старикам, деваться некуда было — мы после фронта за эти ручки как за спасение держались. А вам жить. Застой сейчас, говорите? Удобно вам? Смотрите, хлопцы. Удобство — оно человека расслабляет, как плохая закалка металла.

Старик встал, тяжело опёрся о бочонок с песком и поправил кепку:

— Наказываю вам одно: марку держите. Пашка, ты свои музыкальные пальцы в патрон не суй, но и резец чувствуй, как струну. Сашок — ты в отца пошёл, кремень, но излишне не хмурься, металл ласку любит. Не давайте мастерской остыть. Пока станки крутятся — и вы

живы, и городок дышит. А по ГОСТу там или по совести — сами решите, чай, не маленькие уже.

Дядя Митя махнул рукой, подхватил свой потрёпанный брезентовый чемоданчик с личным инструментом и пошёл к выходу. Его шаги долго эхом отдавали в пустом цеху.

Пашка и Сашка остались сидеть у пожарного щита. В тишине мастерской было слышно, как остывают станины их станков. Семидесятые годы шли своим неспешным, размеренным шагом, приморский городок засыпал, а два молодых токаря молча курили, понимая, что теперь вся эта маленькая, но такая важная вселенная держится только на их четырёх руках.

Кулинарные битвы. Хлебозавод против «Танкового супа». Домашний быт парней после армии напоминал два разных министерства: в одном правила строгая плановая экономика, в другом — анархия эпохи военного коммунизма.

У Пашки дома царил нерушимый кулинарный диктат тёти Любы. Поскольку она была не просто мамой, а целым технологом хлебозавода и членом КПСС, еда на стол подавалась строго по расписанию и строго в соответствии со СНиПами и ГОСТами.

Пашкин рацион: Суп варился на говяжьей косточке с точно рассчитанным процентом лаврового листа. Котлеты взвешивались на ручных весах, чтобы вес соответствовал заводскому стандарту — 75 граммов на штуку. Дядя Лёша, пристукивая деревянной ногой под столом, регулярно пытался нарушить регламент: «Любаня, плесни в борщ сметаны сверх лимита!». На что тётя Люба сурово отвечала: «Избыток жиров ведёт к перерождению печени и мешает комсомольцу Попову выполнять токарный план!».

Сашкин рацион: Через плетень, в Сашкином доме, кулинария была сугубо мужской, суровой и непредсказуемой. Кашеварил Сашка. Отец-танкист после смены в ДРСУ молча садился у окна, и Сашка выдавал своё коронное блюдо — «Танковый суп». Рецепт был прост, как двигатель Т-34: в кастрюлю бросалось всё, что нашлось в погребе, заливалось водой и щедро сдабривалось тушёнкой. Готовил Сашка в промасленных штанах, на слух определяя, когда закипит картошка. Если суп получался густым настолько, что в нём ложка стояла, как лом в бочке с песком, дядя Коля одобрительно хмыкал. Это означало: «Жить можно».

Танцы на пирсе и атака девчат. Вечерами приморский городок зажигал редкие тусклые фонари, и парни выходили «в свет». Пашка, надушившись отцовским одеколоном «Шипр», хватал гитару, а Сашка, отмыв мазут бензином, выступал в роли его молчаливого, но внушительного телохранителя.

На местной танцплощадке у пирса их уже поджидали девчата. Пашка моментально оказывался в центре женского полукруга, выдавая на гитаре свежие дворовые хиты с лёгким одесским акцентом. Местные модницы — Люська-библиотекарша и Нинка из швейного ателье — строили ему глазки, пока Пашка перебирал струны.

Сашка стоял чуть поодаль, подперев плечом столб с репродуктором. Девочки его побаивались: хмурый дембель-танкист смотрел на мир так, словно целился через оптический прицел. Однако Нинка, оценив его широкие плечи и способность молча выслушать трёхчасовой рассказ о фасонах юбок-трапеций, регулярно совала ему в карман мятные конфеты «Взлётные». Сашка конфеты ел, но лицо держал суровым — марка ГСВГ обязывала.

Убежище за хребтом. Партизаны Маркотха. Но настоящая их жизнь начиналась в субботу после короткой смены. Когда городку надоедало жужжать, Пашка и Сашка хватали старые армейские вещмешки, гитару, пару банок кильки в томате, буханку «гостовского» хлеба от тёти Любы с хлебозавода и уходили в горы.

Их главной страстью был Маркотхский хребет. Они карабкались по крутым каменистым тропам, мимо колючих кустов шиповника и низкорослых дубов, уходя туда, где цивилизация затихала. Там, на обратной стороне хребта, скрытая от глаз лесничих и пограничников, находилась их личная тайна — небольшая пещера-убежище, которую они откопали ещё в седьмом классе.

Сашка оборудовал пещеру с инженерной точностью:

В углу стоял самодельный железный очаг, сваренный из старого бака от компрессора ДРСУ.

На входе висел кусок брезента, спёртый Пашкой из кузова штабного БТРа в Германии.

В сухой расщелине хранилась заначка: пара бутылок сухого вина «Алиготе», сухари и тетрадь с пашкиными стихами.

Вечером, когда над горами сгущалась плотная южная ночь, а внизу, в бухте, крошечными светлячками загорались огни порта, они разводили костёр. За хребтом ветер дул иначе — сильнее, свободнее, с запахом горной лаванды и свободы.

Пашка тихонько перебирал струны, подбирая мотив к новой песне, а Сашка прутиком шевелил угли, периодически подбрасывая в огонь сухой можжевельник.

— Слышь, Санёк, — тихо сказал Пашка, глядя на искры, улетающие в чёрное небо. — Вот тётя Люба говорит: «Строители коммунизма, пятилетка в четыре года» ... а мне кажется, коммунизм — он вот тут. В пещере. Когда у тебя есть гитара, друг-танкист и ведро печёной картошки.

— Коммунизм — не коммунизм, — Сашка вытащил из золы обугленный клубень, ловко перекинул его из ладони в ладонь и разломил напополам, — а дым от можжевельника у тебя, связист, прямо на брюки идёт. Завтра Любовь Сергеевна по запаху определит, что твой токарный разряд опять по горам шлялся, а не устав партии учил.

Пашка фыркнул, выдал на гитаре лихой аккорд, и над тёмным Маркотхским хребтом полетела тихая, с хрипотцой песня, заглушая свист ночного приморского ветра. Здесь, в своём горном убежище, они были абсолютно счастливы, и никакой советский застой не мог до них дотянуться.

5. Чёртова пещера

В тихом 1973 году по приморскому общепиту, курилкам автобазы и хлебозавода поползли зловещие слухи: в горах за посёлком Возрождение, аккурат в районе дольменов, нашли провал. Говорили разное. Бабки шептались, что это «дыра в преисподнюю» или древняя матка кавказских колдуний. Официальные газеты помалкивали, но сарафанное радио автопарка выдавало чёткую сводку: **«Чёртова шахта», она же пещера «Страха»**, затягивает скот, а у всех, кто подходит близко, волосы встают дыбом без всякого электричества.

Естественно, Пашка и Сашка, вооружённые армейскими фонарями «трёхцветками» и полным отсутствием инстинкта самосохранения, не могли пропустить такое мероприятие.

Поход на Возрождение. Экспедиция с гитарой. Субботним утром парни дотряслись на рейсовом ПАЗике до Возрождения, сошли у реки Жане и углубились в лес. Пашка пёр на себе гитару (потому что «какой же подземный акустический концерт без инструмента?»), а Сашка тащил моток толстого троса из ДРСУ и сапёрную лопатку.

Провал они нашли по специфическому метрическому ориентиру — вокруг него не пели птицы, зато густо матерились двое местных грибников, у которых в дыру улетел породистый пёс. Пёс, слава богу, застрял на уступе в трёх метрах от края и жалобно скулил.

Вход в **«Чёртову пещеру»** выглядел как идеально круглое, словно выжженное неведомым лазером отверстие в скале диаметром метра полтора. Стенки дыры были гладкими, блестящими, словно оплавленное стекло.

— Слышь, Санёк, — Пашка заглянул в чёрную пасть, от которой веяло неестественным, могильным холодом. — Тут явно без инопланетян не обошлось. Или наши ПВОшники новую секретную глушилку тестировали. Гляди, как породу припекло.

— Инопланетяне солярку не воруют, — хмуро отозвался Сашка, намертво обвязывая трос вокруг векового дуба. — А вот шахта глубокая. Ну-ка, связист, посвети.

Шлемофон против чертовщины. Сашка, как бывший танкист, привыкший к замкнутым пространствам железных коробок Т-62, полез первым. Он нацепил армейский танковый шлемофон для защиты ушей и начал медленно спускаться по тросу на распорках. Пашка страховал его сверху, упершись сапогами в корни.

На глубине около двадцати метров ирония парней начала стремительно улетучиваться. Сашка резко остановился.

— Санёк, ты чего застрял? — крикнул Пашка в дыру. Его голос вернулся странным, глухим эхом.

Вместо ответа Сашка почувствовал, как на него накатывает волна дикого, беспричинного, животного ужаса. Сердце заколотилось в шлемофоне, как бешеный поршень дизеля Т – 62. По ушам ударил странный, давящий звук — низкий, вибрирующий гул, от которого внутренности завязались узлом. В глазах поплыли круги.

— Вира!.. — хриплым, совсем не своим голосом рявкнул Сашка. — Пашка, тяни! Быстро!

Пашка, почуяв неладное, упёрся ногами в глину и, вспомнив все погрузочные работы в ремеслухе, рванул трос на себя. Через минуту Сашка буквально вылетел из провала на траву. Он был бледным, а мазутные пальцы мелко дрожали, судорожно расстёгивая шлемофон.

— Там... гул какой-то, — выдохнул танкист, жадно глотая воздух. — Всю душу наизнанку выворачивает. Как будто внутри дизель на холостых работает, но уши не слышат, а живот чувствует. И страшно так, что аж зубы сводит.

— Ни фига себе, сходили за грибами, — Пашка озадаченно почесал затылок, глядя на дыру. Подходить ближе ему расхотелось. — Похоже, «Чертовщина» сегодня не в духе. Ладно, Санёк, забираем пса и валим отсюда, пока нас самих туда не засосало.

Они вытащили перепуганного кобеля с уступа, смотали трос и быстрым шагом пошли обратно к трассе. За их спинами таинственный колодец Возрождения хранил своё ледяное, оплавленное молчание.

Историческая справка:

Геленджикский феномен. Пещера, известная в туристических байках как **«Чёртова пещера»**, **«Пещера страха»** или **«Чёртова шахта»,** была официально открыта местными жителями и спелеологами в **1971 году** в окрестностях Геленджика (по разным версиям — в районе ущелья посёлка Возрождение или ближе к Пшаде). Этот объект сразу стал одной из главных аномальных загадок Кавказа благодаря уникальным и пугающим характеристикам.

Аномальная геометрия: Шахта представляет собой вертикальный колодец диаметром около 1,5 метров. Её стены идеально ровные и покрыты прочной оплавленной коркой толщиной около 1,5 мм, природа которой до сих пор вызывает споры (термическое или неизвестное механическое воздействие).

Инфразвуковой капкан: Исследователи (включая экспедиции объединения «Космопоиск» Вадима Черноброва в 2007 году) выяснили, что на глубине от 25 метров на человека обрушивается мощный поток инфразвука с частотой 7–10 Гц. Именно эти колебания вызывают у людей приступы панического страха, галлюцинации и тошноту. Физика процесса проста: подземные водяные потоки на большой глубине резонируют со структурой шахты, превращая её в гигантский свисток.

Радиационный фон: На глубине около 40 метров датчики фиксировали превышение естественного радиационного фона примерно в 5 раз.

Хроноаномалии: Участники редких научных спусков утверждали, что внизу искажается восприятие времени — зафиксированы случаи отставания механических часов на 2,5 секунды за 2,5 часа нахождения в шахте.

Тайны дна: Спелеологам удалось спуститься лишь до отметки порядка 36–40 метров, где была обнаружена вода, боковой туннель и загадочные заржавевшие бочки, происхождение которых связывают то ли с секретными немецкими бункерами времён войны, то ли со старыми гидрологическими изысканиями.

Объект до сих пор не включён в официальные академические справочники и остаётся полулегендарным местом паломничества уфологов и экстремалов.

Генеральный план «Чертовщина». Страх — штука летучая, на свежем воздухе он быстро выветривается, уступая место чистому, незамутнённому пацанскому азарту. До самого понедельника в ушах Сашки всё ещё вибрировал тот самый дьявольский гул, а Пашка, ворочаясь на своей койке, вместо напевов морзянки то и дело бормотал под нос: *«Ба-ки-те-кут… куда вы пошли… чертовщина какая-то»*.

Но уже к среде, перекуривая у пожарного щита под бдительным взглядом красной конусной лопаты, друзья поняли: так просто они эту дыру не оставят.

Попытка номер два. Абордаж на честном слове. В следующие выходные они предприняли вторую, сугубо партизанскую попытку штурма. Сашка проявил чудеса снабженческой дипломатии и выменял у знакомого кладовщика в ДРСУ сорок метров толстого пенькового каната. Пашка притащил из дома два мощных шахтерских фонаря на аккумуляторах, которые дядя Лёша когда-то выменял на бутылку чачи у заезжих геодезистов.

Спуск решили делать по очереди, страхуя друг друга через ствол того самого векового дуба.

Первым пошёл Пашка. Он мужественно преодолел отметку в пятнадцать метров, где его гитарный слух моментально поймал знакомый утробный рокот. Внутренности тут же попытались свернуться в трубочку, а руки на канате взмокли. Пашка, стиснув зубы, упрямо перебирал ногами по скользким, словно оплавленным стенкам колодца. Двадцать метров. Двадцать пять. Темнота внизу становилась плотной, как мазут.

— Санёк! — заорал Пашка наверх, заглушая подступившую тошноту. — Канат кончается! Тормози!

Сашка закрепил канат на узлы. Пашка повис в пустоте, бешено вращая фонарём. Луч света беспомощно резал чёрную бездну. Дна не было и в помине. Чёрная пасть «Чертовщины» уходила глубоко вниз, а инфразвуковое давление начало так сильно давить на перепонки, что Пашке показалось, будто у него в голове взлетает эскадрилья истребителей. В глазах поплыли зловещие фиолетовые круги, а из темноты словно повеяло настоящим, осязаемым безумием.

— Вира! Вира, мазут твоя душа! — закричал Пашка, теряя остатки токарного самообладания.

Когда Сашка вытянул друга наверх, Пашка минуты три просто лежал на траве, глядя в мирное небо посёлка Возрождение и тяжело дыша.

— Всё, амба, — выдохнул он. — Верёвки не хватило, а страха мы там хапнули с избытком. Туда с кондачка лезть — это надо сразу в дурдом путёвку выписывать.

Профсоюзный заговор и законный отпуск. Сидя вечером на бревне у Сашкиного плетня, парни трезво оценили ситуацию. Сашка, как прирождённый тактик, разложил на колене карту-двухкилометровку, выпрошенную у знакомого шофера.

— Слушай, связист, — Сашка ткнул пальцем в каменистую гряду. — Раз эта дыра уходит строго вертикально вниз, значит, это просто вентиляция или тектонический разлом. Но вода-то куда-то уходит? Река Жане рядом. Должен быть другой вход. Горизонтальный. Нормальный человеческий лаз, без всякой этой чертовщины с канатами.

— Идея железная, как твой Т-62, — одобрил Пашка, настраивая гитару. — Только чтобы всю эту гору прочесать, нам пары выходных не хватит. Тут неделя нужна минимум. С ночёвками, базовым лагерем и тушёнкой.

Решение пришло мгновенно. На следующий же день в конторе автопарка легли два заявления на законный месячный отпуск.

Начальник автопарка долго крутил заявления в руках, подозрительно глядя на молодых токарей:

— Вы чего это, передовики, посреди сезона удумали? У нас план по ремонту самосвалов горит!

— Так точно, товарищ начальник, горит, — включил сержантское обаяние Пашка. — Но у нас по графику положено — оздоровление трудящихся. Мы с Саньком решили совершить комсомольский туристический поход по местам боевой славы Кавказа. Во славу родного автопарка!

Начальник вздохнул, вспомнил строгую маму Любу с хлебозавода, с которой портить отношения из-за лимитов на сухари не хотелось, и размашисто подписал приказ, правда уменьшив отпуск до двух недель. Остальной отпуск позже отгуляете, безапелляционно заявил он.

Экспедиция века. Закулисная подготовка. Подготовка к настоящей экспедиции развернулась с размахом, достойным ГСВГ. Было решено искать горизонтальный вход в «Чертовщину» со стороны русла ручьёв и скальных осыпей.

Мама Люба, узнав про благородный, с политическим правильным социалистическим подтекстом «комсомольский поход», лично выдала Пашке двухнедельный НЗ: три буханки чёрного хлеба, испечённого строго по ГОСТу, и килограмм рафинада. Дядя Лёша втайне от супруги сунул сыну бутылку домашней чачи — «для дезинфекции и храбрости». Дядя Коля, Сашкин отец, молча выставил на веранду старую армейскую двухместную палатку и брезентовый тент, пахнущий порохом и костром.

В тот памятный уикенд конца сентября, когда курортники уже разъехались, оставив пляжи на растерзание местным чайкам и пацанам, Пашка притащил «трофей». Это был старый, тронутый ржавчиной немецкий штык-нож и обрывок лохматой топографической карты сорокового года, выменянный у глухонемого старьевщика на три пустые бутылки из-под портвейна «Кавказ» и колхозный старый, пришедший в негодность, тракторный аккумулятор, нерадиво оставленный без присмотра.

— Глянь, Саня, — Пашка заговорщически развернул пожелтевшую бумагу на столе у Сашки. — Вот наша бухта. Вот Маркотхский хребет. А вот тут, видишь, чернильный крестик и приписка от руки: *«Teufelhöhle»*. Я у бати в словаре посмотрел — «Чёртова пещера».

Сашка скептически прищурился, разглядывая карту. Как настоящий технарь, он не доверял артефактам без штампа ОТК.

— И что? Мало ли в горах дыр? Туда скотина проваливается, чабаны плевать хотели.

— Дурак ты, Саня, хоть и отличник по танковому вождению и геометрии, — горячился Пашка. — Чабаны туда не ходят, потому что боятся. Дед Михей говорил, что в войну там партизаны от немцев прятались, а до войны — контрабандисты золото возили. А ещё говорят, туда в сороковые годы грузовик НКВД заехал, и больше его никто не видел.

Слово «НКВД» в семидесятые годы имело специфический привкус. Оно пахло не столько историей, сколько глухим, подсознательным страхом, который советский человек впитывал вместе с шумом радиоприемника, глушившего «Голос Америки».

— Грузовики в пещерах не растворяются, — отрезал Сашка, но в глазах уже загорелся тот самый исследовательский огонёк, который обычно приводил их на ковёр к директору школы. — Ладно. Нужен свет. И верёвка. Если там карстовый провал — без страховки мы только шеи себе свернём.

Подготовка к экспедиции заняла два дня и потребовала проведения сложнейших «логистических операций». Верёвка была вероломно похищена с бельевой площадки во дворе кавкорпуса (за что Пашкина спина едва не познакомилась с отцовским армейским ремнём). Роль осветительных приборов выполняли два тяжёлых квадратных фонаря на «планетарных» батарейках за тридцать копеек и запас самодельных факелов из ветоши, пропитанной соляркой, слитой с соседского трактора. За недостающим решили заглянуть по дороге в местную торговую точку посёлка Возрождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.